

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ ТОЛЕРАНТНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Анализируются социокультурные основания толерантности в западной, восточной и российской цивилизациях. Новизна исследования заключается в раскрытии характерных черт российской модели толерантности. Толерантность рассматривается как одно из важнейших условий выживания и развития современной цивилизации, социального и духовно-нравственного прогресса.

Ye. Kas'yanova

RUSSIAN MODEL OF TOLERANCE: PROBLEMS OF CONCEPTUALISATION

Sociocultural foundations of tolerance in the Western, Eastern and Russian civilisations are analysed in the article. The novelty of the research consists in the discovery of the particular features of the Russian tolerance model. Tolerance is regarded to be one of the most important conditions of the modern civilisation's survival and development as well as of social and moral progress.

В культуре XXI в. можно увидеть многообразные тенденции разработки дефиниции толерантности, которые отдают предпочтение диалогу, сотрудничеству и согласию. Феномен толерантности в нашей стране систематизированно и интенсивно начал разрабатываться с середины 90-х гг. XX в. Анализ и оценка полидисциплинарной разноаспектной категории толерантности в научной литературе осуществляется по целому ряду направлений.

Историко-философский аспект темы толерантности актуализирован в работах таких авторов, как Р. Верной, О. Грелл, В. М. Золотухин, И. Карли, Дж. Лаурсен, В. А. Лекторский, Р. Портер, Л. В. Скворцов и др. Толерантность исследуется как

философская категория диалектического отражения социального поведения человека и его гармоничного взаимодействия с окружающим миром (В. А. Васильев, Б. С. Гершунский, В. А. Лекторский и др.).

Особое внимание в современной философии уделяется проявлениям толерантности в различных сферах жизни общества — коммуникации (Ю. Ершов), международных (С. Л. Кропотков, В. И. Михайленко) и межэтнических отношениях (В. Е. Козлов, Н. В. Мольденгауэр), морали (П. Николсон), политике (Дж. Мерфи, Дж. Чой, В. В. Шалин), праве (Дж. Горман, Н. Маккормик), религии (У. Джеймс, Дж. Коффи), экономике (В. О. Лобовиков), этике (Р. Р. Валитова, Н. Грамер, Г. Невью). При

этом пути распространения толерантности в социальной жизни усматриваются исследователями преимущественно в образовании (Г. Д. Дмитриев, Д. В. Зиновьев, Е. Ю. Литвиненко, К. Уэйн и др.).

Роль и функция системы демократических норм и ценностей в обеспечении стабильности демократии – основной вопрос, определяющий концептуальные и методологические подходы к исследованию политической толерантности. Существенен вклад в концептуализацию политической толерантности Самюэля Стоуффера, Джона Салливана, Пола Снيدرмана, Джеймса Гибсона, Филиппа Тетлока, Джеймса Гластера, Майкла Хаута. Наиболее представительные авторские системы взглядов разработали С. Хантингтон, И. Валлерстайн, А. Этциони, В. Иноземцев, В. Н. Лукин, Т. В. Мусиенко, А. Чичановский и др.

Можно выделить психофизиологический и общепсихологический, социологический и этносоциологический, педагогический, историографический подходы к исследованию толерантности.

Как показывает приведенный анализ, несмотря на разнообразие аспектов изучения феномена толерантности, существующее научное знание о толерантности недостаточно полно. Целью исследования является выявление на основе методов социальной философии и принципов междисциплинарного анализа роли и места толерантности в современных цивилизационных процессах России, выявление характерных черт толерантности в процессах российской социально-культурной трансформации, российской модели толерантности.

Прежде всего, обратим внимание на то, что в современном мире утверждаются разнообразные модели толерантности. В связи с этим существующие подходы к проблеме толерантности нуждаются в серьезной корректировке с точки зрения отражения в них плюральности и полисубъектности современного мира, а также особенностей различных менталитетов. Данная концеп-

ция может быть выражена кратко в следующем утверждении, ставшем своеобразным девизом исследований УрМИОН: «Плюрализм современного мультикультурного мира требует плюрализма парадигм толерантности»¹.

Концепция толерантности должна основываться на социокультурных традициях общества. Они могут быть выявлены в разных цивилизациях, например в западной. Попытки теоретического представления и осмысления толерантности являются специфическим признаком западной культуры и философии. Как философская категория «толерантность» была сформулирована в связи с проблемой религиозной нетерпимости.

Этими обстоятельствами и вызвано особо пристальное внимание к толерантности в западном обществе, которое, по словам Дж. Локка, находит в ней «основательное средство против бед и несчастий»². Дж. Локк является автором целого ряда произведений, посвященных вопросам толерантности. Основание толерантности Дж. Локк видит прежде всего в свободе. Локк понимает свободу как возможность следовать собственному желанию во всех случаях, когда это не запрещено. Запреты же налагают природа и общество. Только такая свобода, считает Локк, и дает возможность «не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной и самовластной воли другого человека»³. Философская концепция Дж. Локка вводит представление о пространственном измерении толерантности. Границы толерантности очерчиваются сферами ее проявления в жизни общества. Так, во времена Локка толерантность предстает как веротерпимость, т.е. проявляется в сфере религии.

Современная традиционно-либеральная западная парадигма связана с такими именами, как Сьюзан Мендус, Джон Хортон, Мэтт Матраверс, Питер Николсон и др. Эти авторы рассматривают теорию толерантности прежде всего в контексте со-

временной политической философии либерализма, основываясь на работах таких философов, как Джон Ролз, Уилл Кимлика, Роберт Нозик и др. Основным характерным свойством этой традиции является обоснование толерантности в рамках моральной и политической философии либерализма. Сила этих аргументов состоит в четком логическом рациональном определении толерантности, установлении ее границ и прояснении ее оснований. Они могут быть сформулированы следующим образом.

Терпимость христианского Запада — это терпимость рационального толка, которая базируется на представлениях о договорном характере общества. Принцип терпимости утвердился на Западе в качестве цивилизационного. Он базировался на трех основных элементах, на которых покоится западная культура: уважение к собственности, уважение к правам человека, уважение к правовым институтам общества. Суть ее определяет тезис Э. Дюркгейма: «Консенсус стоит за спиной контракта»⁴.

Специфика толерантности может быть выявлена не только в западной цивилизации, но и в восточной. Востоковеды утверждают о «разнородности цивилизационных начал Востока и Запада», что не опровергает утверждение о существовании истоков терпимости, толерантности в восточных цивилизациях⁵. Если в основании толерантности на Западе лежит веротерпимость, а также права и свободы человека, то на Востоке существовала иная базисная основа, обусловленная спецификой восточной цивилизации и культуры. В связи с этим обратимся к ее анализу. Выделим некоторые социокультурные основания толерантности на Востоке.

В рамках индо-буддийской цивилизации сформировалась специфически традиционалистическая терпимость. В ее основе — идея абсолютной незыблемости существующего порядка мироздания. Следовательно, любой социальный протест и тем более попытки насильственных изме-

нений лишены всякого смысла, так как порядок мироздания не доступен власти человека. Смысл терпимости подобного рода, на наш взгляд, прежде всего в невмешательстве. Стержнем конфуцианской терпимости являются патриархально-дееспотические ценности, в соответствии с которыми в общественном сознании людей усилиями официальной идеологии создавались и закреплялись необходимые образцы поведения, которым следовало подражать. Конфуцианская этика, опираясь на такие этические понятия, как «взаимность», «человеколюбие», «золотая середина», фактически имеет в виду толерантность как добродетель, близкую по смыслу к примиренчеству и осуществляемую в форме личной позиции. Такая же толерантность имеет место в основных принципах буддизма.

Трудно дать точное определение терпимости, которая сформировалась в исламском мире⁶. Ислам воспринимает мир позитивно как творение Аллаха и место, где люди должны вести себя нравственно. Он признает за человеком выбор между верой и безверием. В этом видится коренное отличие в понимании проблемы толерантности Библией и Кораном.

Цель ислама состоит в сознательном продвижении определенно положительных качеств и умышленном подавлении качеств, определенно отрицательных. К первым относятся, например, вера, справедливость, прощение, сострадание, благодеяние, правдивость, великодушие. Отрицательными качествами человека называются лицемерие, плутовство, злословие, подозрительность, лживость, гордыня и другие. В исламе неукоснительная приверженность положительным ценностям и полное отвержение отрицательных черт личности являются долгом каждого мусульманина.

В Коране содержится прямое указание на то, что человек должен быть терпимым и поступать милосердно. «Вы, которые уверовали, терпите и будете терпимы, будьте стойки и бойтесь Аллаха, — может быть, вы

будете счастливы!» [Коран. Сура 3:200]. Этот принцип терпимого отношения к окружающим выражается через, видимо, общую для всех религий доктрину любви к ближнему. Практическими решениями проблемы терпимости и способами проявления любви к ближнему ислам называет добрые дела, прощение, милосердие. Более того, в священных текстах признается, что человеку предстоит отвечать за обиды и боль, причиненные другим людям. Многие тексты призывают к преодолению враждебности, недовольства и предубеждений в отношениях между людьми.

Различия между пониманием терпимости и толерантности в Библии и Коране наблюдаются при исследовании вопросов границ толерантного поведения. Если Библия призывает относиться к находящимся на ложном пути к вере нетерпимо, но все же с кротостью и любовью, увещывая их, то Коран говорит о священной войне — джихаде. Джихад понимается как усердие, рвение во имя Бога. И хотя джихад объявляется только в строго определенных условиях, крайних случаях, тем не менее, он представляет войну, приводящую к гибели людей: «О, пророк! Побуждай верующих к сражению. Если будет среди вас двадцать терпеливых, то они победят две сотни» [Коран. Сура 8:66]. Итак, Коран не отрицает возможности враждебного, интолерантного отношения к людям в борьбе за веру⁷.

Полностью отсутствует на Востоке столь ценное западной цивилизацией понятие свободы, так же как и демократический образ правления. Восточный человек не свободен, а обязан. Причем обязанностью этой не тяготится, а признает ее вполне естественной. Он обязан соблюдать традиции, ритуалы, системы подчинения (родители — дети, муж — жена, вышестоящий — нижестоящий).

Таким образом, несмотря на различные способы рассуждений в Библии и Коране, видно, что конкретные практические шаги, выражающие принцип терпимого отноше-

ния, примерно схожи как в христианстве, так и в исламе, хотя в Коране и не разрабатывалась проблема толерантности в общем виде⁸.

При всей важности распространения представлений об общечеловеческих ценностях и о толерантности в России следует отметить, что оно наталкивается на значительное сопротивление, поскольку воспринимается как импорт зарубежных идей, противоречащих привычным российским образу мысли и образу жизни.

Вместе с тем как общественное явление толерантность имеет давние традиции в социокультурной жизни России, специфика возникновения толерантности в российской культуре связана с христианским принятием страдания, долготерпения, любви к ближнему, с такими нравственными качествами, как доброта, милосердие, сострадание и самопожертвование, которые являются ключевыми для характера русского народа. Аргументируем вышеизложенную позицию.

Вопросы толерантности обнаруживаются в тематике русской философской мысли XIX—XX вв. (Н. А. Бердяев, Ф. М. Достоевский, Н. О. Лосский, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн и др.). В. С. Соловьев высказал мысль, что толерантность в мире знания может быть выражением «сознания многообразных умственных путей», выдвигая тем самым принцип плюрализма, который активно разрабатывается в проблематике толерантности и в наши дни.

В русской философской мысли XIX—XX вв. толерантность рассматривается как особое состояние духовной жизни, в котором человек выражает самого себя. Н. А. Бердяев утверждает, что в личности имеется духовное начало, глубина, которая не определяется обществом⁹. В этом состоянии человек способен к открытию своего бытия, которое мыслится преимущественно в креативном плане — как свободное созидание личности.

Осуждал проявления национальной нетерпимости русский философ В. Соловьев, который развивал идеи христианства, подчеркивал, что разные народы — это разные органы в целом теле человечества. Терпимость необходима для спасения нашего мира, где все «друг друга расталкивают локтями»¹⁰. Таким образом, можно предположить, что феномен терпимости имеет собственные, российские корни, давнюю историческую традицию.

Особенность развития российской цивилизации, как и многих других, состояла в том, что ее формирование и становление происходило в определенной духовно-ценностной религиозной форме, а именно под мощным влиянием Православия и Русской Православной Церкви. Будучи формой общественного сознания, Православие всегда оставалось религией терпимости, милосердия и любви к ближнему. Широкую известность получил один из важнейших принципов христианской морали, а именно принцип любви, который имеет разную формулировку: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Очень много нареканий вызвало требование христианской этики любить врагов своих. Однако правильно понятый этот принцип не отрицает и борьбу с врагами Бога, отечества, с личными врагами, но важно, чтобы борьба эта не сопровождалась озлоблением, превышением меры справедливости, не отрицала милосердия.

Глубоко и по-настоящему верующие люди, приверженцы собственной традиции не нуждаются в подавлении и принижении «чужого», в агрессивном отстаивании своих приоритетов. Готовность к пониманию другого, способность к признанию правоты всего, что правильно — все это благороднейшие качества, которые не могут ослабить собственную веру. Но с самого начала утверждения Православия в государстве оно использовалось государственной властью в качестве идеологии, призванной служить интересам этой власти. Отсюда в

истории Русского Православия — периоды существования нетерпимости и непримиримости к инакомыслию, а также периоды терпимости, милосердия.

Все это не отменяло образцов подлинной веротерпимости в православии. Настоящим гимном толерантности как принципу духовной жизни общества явилась статья Вл. Соловьева «Три силы», где обосновывается идея всеединства, предполагающая принятие и взаимообогащение различных культурных противоположностей, в том числе и религиозных. Призывом к терпимости, любви и милосердию проникнуты труды богослова Н. Лосского, церковного историка и богослова А. Карташева, православного философа и правоведа П. Новгородцева, наследников славянофилов 1940-х гг. А. Д. Самарина, П. Мансурова, Н. Хомякова. Не вдаваясь в глубокий и подробный анализ истории Русского Православия, можно отметить, что дух терпимости постоянно пребывал в русском религиозном и церковном сознании в борьбе с началами национализма и конфессионального фанатизма и никогда не был побежден последними.

Все мировые религии и верования включают в себе большой потенциал терпимости и тем самым являются естественными союзниками толерантности. Безусловно, что необходимо обретение взаимопонимания между разными религиями с собственными теологическими и философскими системами на основе уважения самобытности каждой из них и нахождения общности между ними. Диалог религий основан на понятии мира как мира на всех уровнях — в душе, в обществе и в экосистеме, например, христианства и буддизма — религий Запада и Востока. Христианство является религией откровения, разъясняющей отношения между единственным Богом-творцом и человеком-творением. А буддизм, представляющий восточную мысль, можно назвать религией мудрости, усматривающей единство человека-микрокосмоса с Вселенной-макрокосмосом. Обе

религии проповедают уважение достоинства жизни человека; и христиане, и буддисты видят свою миссию в спасении человечества истинной любовью.

Таким образом, исследование некоторых особенностей современного российского социума сквозь призму взаимоотношений этносов и религий приводит к выводу о том, что в российском обществе есть предпосылки для утверждения толерантности как принципа терпимости, солидарности, сотрудничества, плюрализма, культурного многообразия, диалога и взаимопонимания между народами, этническими, религиозными, культурными и другими группами. Какова же специфика толерантности в современной России? Какая концепция толерантности утверждается в России? Попытаемся определить ее характерные черты на основе вышеизложенного.

Российская концепция толерантности утверждается на базе социокультурных традиций общества. Ее основой выступает синтез цивилизаций Запада и Востока. Российская концептуальная модель толерантности основана на сотрудничестве культур, этносов и религий, социальных общностей, групп.

Сотрудничество наиболее полно соответствует российскому феномену толерантности. Толерантные ценности и установки в культуре разных народов и конфессий выступают основой этого сотрудничества. Оно подразумевает совместное определение целей деятельности, совместное ее планирование, распределение сил и средств на основе возможностей каждого субъекта толерантности. Это уровень толерантного поведения субъектов, который может быть охарактеризован такими признаками, как: контактность, доброжелательность (отсутствие агрессии), отсутствие тревожности, мобильность действий, вежливость (учтивость), терпение, доверительность, социальная активность.

Всякое сотрудничество предполагает взаимодействие. Взаимодействие определяется как универсальная форма развития,

обоюдно изменяющая взаимодействующие объекты, явления и приводящая каждое из них в новое состояние. Оно осуществляется в ходе диалога субъектов толерантности. Диалоговое взаимодействие подразумевает равенство позиций народов и социальных групп в общении. В диалоге проявляется индивидуальность и постигается своеобразие культур и традиций. Подобное взаимодействие является фундаментом толерантности.

Близость культурных традиций разных слоев и ценностное единство общества, поскольку данные факторы обеспечивают определенный уровень понимания устремлений, поступков и действий социальных групп и индивидов, создает предпосылки для формирования социального согласия как еще одной характеристики российской концепции толерантности. Социальное согласие является интегративной характеристикой общества и позволяет корректно интерпретировать социальные изменения и социальные взаимодействия.

Социальное согласие выступает результатом и фактором человеческого единства и целостности. Категориальное поле согласия образуют следующие понятия: единство, мера, интеграция, солидарность, сплоченность, стабильность, устойчивость, порядок, партнерство, целостность.

Под социальным согласием понимается состояние, признак и процесс взаимодействия между социальными субъектами, находящимися в единстве, имеющими сходные, совпадающие ценности, потребности, интересы и цели, при которой социальная система обладает солидарностью, сплоченностью, интеграцией, упорядоченностью, стабильностью и устойчивостью, сохраняется как целостность.

Устойчивое, стабильное развитие российского общества не может быть обеспечено лишь извне: государственным контролем, институциональным или групповым принуждением. Стабильность российского общества инициируется изнутри через упорядочивание социальных взаимодействий,

установления структурно-функционального соответствия элементов социальной системы, баланса интересов и целей многочисленных народов и социальных групп.

Согласие в конфликтологии рассматривается как результат разрешения конфликтов. Высокий уровень социальной напряженности и конфликтогенности в некоторых регионах России стимулирует изучение этих процессов. Согласие выступает глубокой основой повышения социальной интеграции, снижения уровня напряженности и конфликтогенности.

В советский период исторического развития России сформировалось мышление, для которого согласие имело одно основание — идеологию. Идеологическое согласие выступало базой для стабилизации отношений между социальными субъектами во всех сферах социальной жизни. В современных российских условиях происходит, с одной стороны, становление новой системы ценностей, с другой — поиск новой идеологии, поэтому требуется теоретическое осмысление основополагающих принципов социального согласия.

Выделяются следующие признаки социального согласия:

1. Упорядоченность поведения, действий и взаимодействий. Большие группы людей ознакомлены с нормами и правилами, признают их и выполняют. Существенные расхождения в ценностях не приобретают враждебный, конфликтный характер. Социальные цели принимаются людьми как необходимые и достижимые. Все это ведет к тому, что социальные субъекты действуют и взаимодействуют на основе существующих в обществе норм и правил, в соответствии с законом.

2. Наблюдается возрастание социальной сплоченности и солидарности, социальные субъекты осознают себя как часть единого целого, свою неразрывную связь с другими социальными субъектами. Действия и взаимодействия осуществляются с учетом интересов и целей целого и других социальных субъектов.

3. Человек чувствует себя социально защищенным, испытывает уверенность в завтрашнем дне.

Общество характеризуется двумя основными типами единства: ценностным и функционально-целевым. Ценностное единство людей обусловлено родовой сущностью, смыслом существования человека. Функционально-целевое единство связано с самой природой общества как способа выживания человека, включенностью человека в систему социальных взаимодействий. Ценностное и функционально-целевое единство порождают зависимость людей друг от друга и общества как целого, укореняются во внутренней и внешней среде, указывают на общее в потребностях, интересах, ценностях, целях.

Процесс становления социального согласия происходит в определенных условиях, под воздействием многих факторов. В соответствии с основными областями социальной жизни выделяются основные социокультурные, социально-политические, социально экономические и общественные (социальные в узком смысле слова) условия и факторы, определяющие процесс становления согласия и имеющие свои особенности в трансформирующемся обществе.

Социокультурное согласие возникает тогда, когда имеется близость культурных традиций разных слоев и ценностное единство общества. Это выступает важнейшим условием становления социального согласия, поскольку обеспечивает высокий уровень понимания устремлений, поступков и действий других людей. Культура определяет особенности протекания социальных процессов. Люди оценивают происходящие в обществе изменения с позиций добра и зла, справедливости и несправедливости, поэтому развитие культуры, нравственное оправдание выступают важнейшей детерминантой легитимности реформ.

Таким образом, являясь полиэтничным и многоконфессиональным, пространство современной Российской цивилизации

может сохранить свою целостность только в том случае, если каждая из этнических групп увидит в этой целостности залог своего будущего процветания и развития. Безусловно, каждый этнос имеет собственный идеал относительно того, каким будет его будущее — в этом и заключается сложность выработки единой для всех концепции толерантности. По всей видимости, российская концепция должна основываться одновременно на неких общечеловеческих принципах и на особенностях евразийского менталитета и мировоззрения. Характерными чертами этой концепции являются интеграция цивилизаций, взаимная интеграция культур и этносов, сотрудничество культур, этносов и религий, социальных общностей, групп, социальное, социокультурное согласие, диалоговое взаимодействие и равенство позиций народов и социальных групп в общении. В диалоге проявляется индивидуальность и постига-

ется своеобразие культур и традиций. Подобное взаимодействие является фундаментом толерантности.

Проблема толерантности сегодня перестала быть проблемой только в одной из сфер общественной жизни (в религии, вопросах национальных отношений и пр.), но приобрела статус глобальной социокультурной проблемы, проявляющейся во всех сферах общества. В транзитный период, когда российское общество находится в поисках своей социокультурной идентификации, активизируется национализм, что делает проблему толерантности, гармоничного взаимодействия многочисленных религиозно-этнических групп, имеющих разные культурные традиции, особенно актуальной. Толерантность может стать посредником между собственной национальной культурой и религией, с одной стороны, и отличающимися от собственной — с другой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дробизжева Л. М., Хомяков М. Б. Новые подходы в изучении и преподавании идей толерантности как результат реализации программы Уральского МИОН [Электронный ресурс] Интернет: http://iriss.ru/display_analyticsitem?id=000100000297

² Локк Дж. Письмо о веротерпимости: Избр. филос. произв.: В 2 т. / Дж. Локк — Т. 2. — М., 1960. — С. 141.

³ Указ. соч. С. 17.

⁴ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм — М., 1997. — С. 46.

⁵ Аникеев Е. Н., Семушкин А. В. Диалог цивилизаций: Восток — Запад / Е. Н. Аникеев, А. В. Семушкин // Вопросы философии. — 1998. — № 2. — С. 175, 177.

⁶ Цивилизация и культуры. Научный альманах. Вып. 1. Россия и Восток: цивилизационные отношения. — М., 1994. — С. 27.

⁷ Рашковский Е. Б. Пласты нетерпимости; философские заметки // Вопросы философии. — 2003. — С. 61–68.

⁸ Всемирное писание: Сравнительная антология священных текстов / Пер. с англ. Бурмистровой Л. М. и др.; Под общ. ред. П. С. Гуревича. — М.: Республика, 1995.

⁹ Бердяев Н. А. Мое философское мирозерцание / Н. А. Бердяев // Философские науки. — 1990. — № 6. — С. 88.

¹⁰ Соловьев В. С. Чтения о Бого-человечестве / В. С. Соловьев. — Соч. в 2 т. — Т. 2. — М., 1989. — С. 27–46, 234.